

Яо Синьюй напился и, едва переступив порог дома, набросился на Чи Цюлиня. Его руки нетерпеливо и бесцеремонно шарили по телу, быстро пробравшись под одежду на талии.

Ледяные кончики пальцев коснулись теплой кожи, и от резкого перепада температур Чи Цюлинь невольно вздрогнул. Инстинктивно пытаясь отстраниться, он проговорил:

— Синьюй, давай сначала поужинаем. Я ждал тебя так долго, еда уже остыла.

Яо Синьюй пропустил его слова мимо ушей. Одной рукой он властно притянул к себе гибкую, тонюсенькую талию Чи Цюлиня, а другой подбросил его подбородок вверх. Не успел тот опомниться, как холодные и мягкие губы уже накрыли его собственные.

Терпкий винный аромат смешался с учатившимся дыханием. Ощущая властный и в то же время чуть нежный глубокий поцелуй, Чи Цюлинь невольно потерял счет времени и замер в затуманенном сознании.

После того пожара, оставившего на его коже обширные ожоги, Яо Синьюй очень долго не притрагивался к нему. Чи Цюлинь прекрасно понимал, что огромные шрамы на его теле выглядят слишком устрашающе, поэтому никогда сам ни о чем не просил, да и со временем окончательно утратил интерес ко всему подобному.

Но когда Яо Синьюй повалил его на диван и хриплым, низким голосом спросил: «Можно?», Чи Цюлинь не отказал.

Одежда была сорвана и валялась в полном беспорядке. Глядя на собственную жуткую, изуродованную кожу, Чи Цюлинь с замиранием сердца и чувством вины следил за выражением лица Яо Синьюя.

То ли из-за алкоголя, но Яо Синьюй, судя по всему, вовсе не испытывал привычного отвращения при виде его покрытого шрамами тела. Чи Цюлинь слегка выдохнул и осторожно обвивил руками шею Яо Синьюя.

Яо Синьюй сделал вид, что опускает голову, замер у самого уха Чи Цюлиня и легко коснулся его губами. Обжигающее дыхание опахнуло боковую сторону шеи, и он искренне, от всего сердца вымолвил знакомое имя:

— Минчжоу.

Минчжоу... Лю Минчжоу?

Это имя прозвучало словно рапира, вонзившаяся прямо в сердце Чи Цюлиню, причинив такую боль, от которой перехватило дыхание.

Тело Чи Цюлиня мгновенно оцепенело. От ослепительного сияния потолочной лампы глаза

защипало еще сильнее. Долгое время спустя он услышал собственный дрожащий голос:

— Как ты меня сейчас назвал?

Сознание Яо Синьюя все еще было затуманено, и он продолжал твердить одно и то же:

— Минчжоу, я виноват. Прости меня, умоляю. Только прости, и я тут же расстанусь с Чи Цюлинем...

Лавинообразное чувство полного бессилия постепенно затопило все тело. Чи Цюлинь глубоко вздохнул и изо всех сил оттолкнул теснившие его властные объятия. Его голос от пережитого волнения звучал намного громче обычного:

— Яо Синьюй, опомнись, посмотри на меня! Кто я?!

Возможно, он напился слишком сильно, но Яо Синьюй даже не поднял головы, продолжая бессвязно бормотать имя Минчжоу, и уже через мгновение крепко уснул.

Глядя на его безупречное лицо во сне и расслабленную позу, Чи Цюлинь с трудом сдерживал захлестывавшие его темные эмоции. Он осторожно перенес Яо Синьюя в спальню, заботливо укрыл одеялом и после этого словно беглец бросился прочь из квартиры.

В ночном городе шел снег. Ощущение тающих на коже пушистых снежинок помогло мгновенно протрезветь.

Отразившись в витрине какого-то давно закрытого магазина, Чи Цюлинь увидел себя со стороны: его мягкие брови и глаза были непроизвольно сведены к переносице, от левой щеки к шее вился отвратительный шрам — одна половина лица казалась безупречной, а другая — безобразной до тошноты.

Тонкую рубашку надувал холодный ветер. Он даже забыл застегнуть пуговицы, расстегнутые Яо Синьюем, обнажая кусочек кожи, сплошь усеянный крупными страшными рубцами. Истинный цвет кожи под ними уже угадывался с трудом, и от одного этого зрелища бросало в дрожь.

Вряд ли кто-то сможет подарить искреннюю любовь столь изуродованному телу. В молчании поправив одежду, Чи Цюлинь купил в ближайшем круглосуточном магазине упаковку пива и поднялся на крышу старой многоэтажки.

Сегодня первое число одиннадцатой луны, а также день рождения Чи Цюлиня. Ожидаемо, Яо Синьюй позабыл про этот день, но совершенно неожиданно именно сегодня раскрыл свои истинные мысли.

Уголки рта сами собой поползли вниз. С горькой иронией подумалось: если раньше он еще тешил себя иллюзиями, что Яо Синьюй любит его пусть даже самую малость, то теперь он

чувствовал себя лишь жалким посмешищем.

С какой решимостью тогда, в бушующем пламени пожара, Чи Цюлинь бросился к оказавшемуся в огненной ловушке Яо Синьюю, с такой же безжалостностью спасенный Яо Синьюй отвернулся от него, потерявшего прежнее лицо.

Но кого мог винить Чи Цюлинь? Если он сам не в силах принять собственное отражение, то что говорить об остальных.

Он прекрасно понимал чувства Яо Синьюя, но ничего не мог поделать со своей обидой и все равно винил его в бессердечии.

Но его главное поражение заключалось в том, что он слишком сильно любил Яо Синьюя. Любил до такой степени, что был готов отдать ему собственную жизнь, а потому до тех пор, пока Яо Синьюй молчал о расставании, он соглашался и дальше молча оставаться рядом.

Хотя, если подумать, ему давно следовало проявить хоть каплю самоуважения. Яо Синьюй разлюбил его давным-давно: на столь потрепанную, уродливую оболочку без отвращения и брезгливости не взглянет никто. Быть может, кто-то добрый и пожалел бы его, но искренней радости такой человек вызвать не мог никогда.

Большими глотками допивая ледяное пиво, он чувствовал, как мгновенно обжигает горло, в то время как желудок и сердце стыли точно так же, как кружащий в вышине снег.

В этот момент зазвонил телефон. Глядя на имя звонящего на экране, Чи Цюлинь замер и дрожащим пальцем нажал кнопку ответа:

— Папа.

<http://bllate.org/book/26747/3203749>